

Пушкин Алексей Александрович

ДИРЕКТИВНО-АВТОРИТАРНЫЙ ДИСКУРС В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются прагматические и коммуникативно-функциональные особенности директивно-авторитарного дискурса, представленного речевыми актами команды и приказа, в русско-чувашском межкультурном коммуникативном пространстве. Межкультурными контактами обуславливаются не только чувашские лексические единицы приказ и команда, заимствованные из русского языка приемом транслитерации, но и способы вербализации речевых актов команды в чувашском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'27

Филологические науки

Рассматриваются прагматические и коммуникативно-функциональные особенности директивно-авторитарного дискурса, представленного речевыми актами команды и приказа, в русско-чувашиском межкультурном коммуникативном пространстве. Межкультурными контактами обуславливаются не только чувашские лексические единицы приказ и команда, заимствованные из русского языка приемом транслитерации, но и способы вербализации речевых актов команды в чувашском языке.

Ключевые слова и фразы: директивно-авторитарный дискурс; речевые акты команды и приказа; перформатив; иллюкутивная сила; перлокутивный эффект; речеорганизующая функция; инфинитив; чувашская лингвокультура.

Пушкин Алексей Александрович, к. филол. н.

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
inyaz_gum@mail.ru*

ДИРЕКТИВНО-АВТОРИТАРНЫЙ ДИСКУРС В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ[©]

Директивно-авторитарное коммуникативное поведение личности характеризуется наличием в ее дискурсе речевых актов директивного типа, посредством которых реализуется жесткая авторитарная стратегия, направленная на подавление и подчинение коммуникантов в условиях, как правило, асимметричной коммуникации. Сущность жесткости авторитарной коммуникативной стратегии проявляется в том, что директивные речевые акты, имеющие целью изменить или сохранить положение дел, оцениваемое говорящим как критическое и / или (не)благоприятное, не аргументируются. К речевым актам авторитарно-директивного типа относятся, прежде всего, команды и приказы. Команда – это «краткий устный приказ установленной формы» [8]. Приказ в свою очередь понимается как «официальное указание, подлежащее неукоснительному исполнению» [Там же]. Производное имя существительное «приказание» означает «распоряжение, равносильное приказу» [Там же].

В военном дискурсе директивные речевые акты, выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию команды и / или приказа, являются авторитарными, так как они изначально стратегически ориентированы на подчинение слушающего, подавление его воли и лишение его права альтернативного выбора.

- *Встать!* (1) *Лейтенант Пономарев! Арестовать дезертиров!* (2) *Отобрать оружие!* (3)
- *Винтовку не отдам,* – *сказал рябоватый солдат.*
- *Молчать!* (4) *Лейтенант Пономарев, исполняйте приказ* (5) [5, с. 17].

Осуществляя директивные речевые акты, говорящий, отдающий приказ, вкладывает в них, как он полагает, вполне достаточную иллюкутивную силу, чтобы гарантировать положительный перлокутивный эффект, и он уверен, что в условиях данной коммуникативной ситуации слушающий – лейтенант Пономарев – не может не выполнить желаемое говорящим действие, а именно *арестовать дезертиров*. Директивные речевые акты (1) и (4) обращены к отступающим солдатам, (2), (3) и (5) – к лейтенанту Пономареву. Примечательно то, что речевые акты (1), (2), (3) и (4) вербализуются посредством глаголов в инфинитивной форме, при этом семантика и вся иллюкутивная сила директивности сфокусированы в инфинитивной форме глаголов. Заключительный директивный речевой акт (5) является подтверждением того, что директивные речевые акты (2) и (3) несут коммуникативно-функциональную нагрузку приказа. Не исключено, что речевой акт (5) мог быть представлен иными синонимическими структурами – констативом *Это приказ* и / или перформативом *Я приказываю (Вам)*. Однако использование в директивном речевом акте глагола в повелительной форме придает приказу больше динамичности, а экспликация в речевом акте лексемы *приказ* предвосхищает достижение желаемого перлокутивного эффекта, ибо директивный речевой акт однозначно воспринимается как приказ, а приказы, как известно, не обсуждаются, а исполняются, особенно в условиях военного времени.

Вместе с тем следует отметить, что команды и приказы в военном дискурсе конвенционализировались и не всегда воспринимаются как авторитарные. Команды и приказы, перенесенные в иные сферы общения, например, в управленческую, имеют выраженный авторитарный характер.

- *Покажи. Что ты там держишь?*(1) *Серебрянников покорился.* <...>
- *Что это?* (2)
- *Сливочное масло.*
- <...>*Онисимов <...> гневно прокричал:*
- *Как Вы посмели?* (3) <...> *Серебрянников, потупившись, молчал.*
- *Вот на что вы способны!* (4) <...> *Референт по-прежнему не отвечал.*
- *Идите за мной,* (5) – *скомандовал нарком.* <...>
- *Положите на стол,* (6) – *произнес Онисимов. Серебрянников тотчас исполнил повеление.* <...>
- *Использовать свое положение ради этого куса! Как Вам не стыдно!* (7)
- Виноватый молчал. Это упорное молчание лишь еще более раздражало, накаляло Онисимова.*
- *Что вас толкнуло на эту подлость?* (8)

Серебрянников вымолвил:

- *Я могу это вам сказать лишь наедине.*
- *Говорите сейчас! У меня с вами секретов нет!* (9)

Серебрянников лишь отрицательно повел лысой головой.

- *Вон!* – крикнул Онисимов. – *Сегодня же вы будете уволены как бесчестный человек* (10) [6, с. 71-72].

Приведенный выше авторитарный дискурс наркома Онисимова состоит из 10 коммуникативно-интерактивных ходов. Речевые ходы (1), (5), (6), (9), (10), содержащие эксплицитные директивные речевые акты, несут доминантную директивную коммуникативно-функциональную нагрузку приказа. Из пяти директивных интерактивных ходов лишь в девятом директивный речевой акт «*Говорите сейчас!*» сопровождается констативным по типу речевым актом со значением обоснования – «*У меня с вами секретов нет!*», который призван усилить регулятивную речеорганизующую иллокутивную силу директивного речевого акта. Вопросительные речевые акты в интерактивных ходах (1), (2) и (8) также имплицитно выполняют директивную регулятивную речеорганизующую коммуникативную функцию, побуждая референта Серебрянникова к ответному коммуникативному ходу. Экспрессивные речевые акты со значением отрицательной оценки поступка Серебрянникова, содержащиеся в интерактивных коммуникативных ходах (3), (4), (7) и (8), свидетельствуют о том, что в дискурсе реализуется жесткая авторитарная стратегия. Жесткость проводимой авторитарной стратегии достигает своей кульминации в заключительном интерактивном ходе, о чем свидетельствуют директивный речевой акт, вербализованный посредством междометия *Вон!*, и декларативный речевой акт *Сегодня же вы будете уволены*, выполняющий функцию угрозы и угнетения психоэмоциональной сферы подчиненного. В пропозициональной структуре декларативного речевого акта, являющегося по сути заключительным в целостном дискурсе, содержится словосочетание *бесчестный человек*, которое характеризует референта Серебрянникова. Фраза *бесчестный человек* функционально замещает речевой акт-обоснование в структуре директивно-авторитарного дискурса наркома Онисимова.

Следует отметить, что для функционально однозначной прагмасемантической интерпретации речевых актов директивного типа в нарративном дискурсе существенное значение имеют авторские пояснительные ремарки, например:

- *Положите на стол*, (6) – произнес Онисимов. *Серебрянников тотчас исполнил повеление.* <...>
- *Идите за мной*, (5) – *скомандовал нарком* [Там же, с. 71].

В чувашской лингвокультуре директивно-авторитарное коммуникативное поведение, как и в русском языке, демонстрируется посредством речевых актов команды и приказа.

- *Встать!* – *камеръана кёрсенех команда пачё надзиратель* [7, с. 253]. /
- *Встать!* – *скомандовал надзиратель, как только вошёл в камеру (здесь и далее перевод автора – А. П.).*
- *Ситет!* – *түсёмлэхё пётнипе хаярран кайкёрса пүлчё Мошковё* <...> *Дежурный стражник кёрсен, хытмән хушрё:* – *Алине каялла сыхър! Хытъррах сыхър!* – *Стражник васкаса сыхрё.* – *Ёнтё сивё пүрте хупър* [Там же, с. 50]! /

– *Хватит!* – *потеряв терпение, злобным голосом закричал Мошков. Когда вошел дежурный стражник, он приказал:* – *Связай его! Да покрепче!* – *Стражник спешно связал арестованному руки.* – *А сейчас в карцер его!*

Следует отметить, что русские лексемы *команда* и *приказ* с семантикой «указание, подлежащее неукоснительному исполнению» в чувашском лексиконе наличествуют как слова-заимствования. Так, в «Словаре чувашского языка» профессора Н. И. Ашмарина представлено слово *прикас*, толкуемое как *приказ, распоряжение. Каç пулсан сывърма выртас умён, чи аслă уллучё салтаксене прикас парат: никама та пайшал пеме хушмасть. / С наступлением ночи самый стерший барин отдает солдатам приказ: не велит никому стрелять из ружья* [3, с. 273]. В словарях более позднего периода слово приобрело современную орфографию – *приказ*. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина слово *камантё (команда)* имеет лишь одно значение – *группа людей. Епир килтёмёр, хата, сан пата касси-камантипе. / Мы приехали к тебе, сват, командой целой* [2, с. 51]. Современную орфографию и значение *устный приказ* слово *команда* в чувашском языке приобрело в более поздний период. Весьма высокая частотность употребления в чувашском литературном языке слов *команда* и *приказ* в конце XX века сегодня заметно сократилась. Вместо лексем *команда* и *приказ* очень часто используется лексема *хушу*, которая является производной от глагольной лексемы *хуш-* [1, с. 569-570]. В зависимости от коммуникативно-прагматической ситуации в конкретном дискурсе лексема *хушу* может содержать одно из значений лексем *приказ, приказание, распоряжение, требование, предписание* [4, с. 269], а также в особых случаях значение лексемы *команда*, в частности ее производной глагольной формы *командовать*, как, например, ***Командую: разойтись!*** / ***Саланса кайма хушатмән*** [9, с. 220]! Вместе с тем нельзя не обратить внимание на отрицательную форму глагольной лексемы *хушма-*, образованной агглютинирующим аффиксом *-ма-*. В сочетании со смысловыми акциональными глаголами как, например, ***Саланма хушмастмән!*** (дословно: *разойтись не приказываю*), «асимметричная» отрицательная лексема *хушма-* обретает дополнительную сему «запрещать». Вследствие этого, чувашское высказывание ***Саланма хушмастмән!*** в русском языке может иметь два соответствия – ***Приказываю (чув. хушатмән) не расходиться!*** ***Запрещаю (чув. хушмастмән) расходиться!*** ***Выбор соответствующего переводческого эквивалента обуславливается параметрами коммуникативной ситуации, в частности референтной ситуацией. Если говорящий намеревается изменить положение дел, то, как правило, он приказывает предпринять определенные действия. Если же говорящий желает сохранить исходное положение дел, он, как правило, запрещает предпринимать какие-либо действия.***

Следующей особенностью директивно-авторитарного дискурса в чувашской лингвокультуре является то, что нередко директивные речевые акты команды вербализуются посредством русских глагольных лексем в форме инфинитива.

- *Молчать!* – *хаьррӑн кӑшкӑрса пӗлчӗ Огуречников. – Халь сивӗ сӗре хупса лартатӑн* [7, с. 92]!
- *Молчать!* – *злобно закричал Огуречников. – Вот закрою в карцер!*

Очевидно, что в таких случаях имеет место перенос с русского языка не только директивности речевого акта по линии иллокутивности, а директивности в целом, включая и пропозициональное содержание, выраженное соответствующей русской лексемой. Использование в речевых актах команды русскоязычных лексем в форме инфинитива обусловлено многовековыми контактами русской и чувашской лингвокультур, в частности исполнением чувашами обязательной воинской повинности на службе в российской армии со времен их вхождения в состав государства Российского.

Список литературы

1. **Андреев И. А.** Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. 712 с.
2. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: «Руссика», 1994. Т. 6. 336 с.
3. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: ГК ЧР по печати, 1999. Т. 9-10. 616 с.
4. **Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. Чебоксары: ГК ЧР по печати, 2000. Т. 15-16. 676 с.
5. **Бек А. А.** Волоколамское шоссе: роман. М.: Сов. Россия, 1984. 528 с.
6. **Бек А. А.** Новое назначение: роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 236 с.
7. **Мораньков Н. Ф.** Ёмӗр сакки сарлака: роман. Век прожить – не поле перейти / на чув. языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. Т. 3. 568 с.
8. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского язык [Электронный ресурс]. М.: Азъ, 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 07.03.2014).
9. **Скворцов М. И.** Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 511 с.

DIRECTIVE-AUTHORITARIAN DISCOURSE IN CROSS-CULTURAL SPACE

Pushkin Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Ulianov Chuvash State University
inyaz_gum@mail.ru

In the article the pragmasemantic and communicative-functional peculiarities of directive-authoritarian discourse represented by speech acts of command and order in Russian-Chuvash cross-cultural communicative space are considered. Not only the Chuvash lexical units of order and command borrowed from the Russian language by the method of transliteration but also the verbalization ways of speech acts of command and order in the Chuvash language are conditioned by cross-cultural contacts.

Key words and phrases: directive-authoritarian discourse; speech acts of command and order; performative; illocutionary force; perlocutionary effect; speech organizing function; infinitive; the Chuvash linguoculture.

УДК 81'255.4

Филологические науки

Нормы и максимы, которые призваны усовершенствовать перевод, делают его недоступным для потребителя перевода, тем самым не одну сотню лет сдерживая развитие теории перевода, потому что их жёсткость и категоричность не позволяют появиться никаким новым переводческим наукам или хотя бы каким-то значимым ответвлениям перевода. Настало время предложить альтернативу нормам и максимам в качестве инструментов для усовершенствования перевода.

Ключевые слова и фразы: дескриптивный; натуралисты; клиентоориентированная теория перевода; нормы перевода; потребитель перевода; прескриптивный; процесс перевода; стагнационный; тормозить развитие.

Сахневич Сергей Владимирович, к. филол. н.
 НИИ Языкознания РАН
 crash68@yandex.ru

СТАГНАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР НОРМ И МАКСИМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ПЕРЕВОДУ, И ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЕГО ТЕОРИИ[©]

Осмысливая векторы развития перевода, невозможно не заметить, что, в отличие от теорий других наук, теории перевода не привели к появлению никаких новых наук, никаких значимых ответвлений и, соответственно, никаких новых теорий или концепций, связанных с этими новыми науками.

В случае с некоторыми другими науками, например, с природоведением и с экономикой, ситуация была совершенно противоположной.